

Геннадий Костырченко

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

БЕЛОРУССКИЙ КАЛЕЙДОСКОП:

ОТ ВОЙНЫ ДО 1950-Х И ОТ МОСКВЫ И МИНСКА ДО ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ

УДК
929

Налаживание мирной жизни в Беларуси по освобождению ее в 1944 г. от гитлеровцев сопрягалось с решением массы сложных проблем в таких основных сферах социальной жизнедеятельности, как экономика, государственная и общественная безопасность, идеология, кадровая политика. Наиболее критический характер эти проблемы носили в западных областях БССР, где ситуация осложнялась императивом возобновления прерванной войной советизации. Негативно влияла на послевоенную нормализацию в Беларуси и подпольная борьба за высший пост первого секретаря ЦК КП(б)Б (в основном между П.Пономаренко и Н.Гусаровым). И главным арбитром в ней был Сталин, поддерживавший свое единовластие манипулированием конкурировавших друг с другом кремлевских номенклатурных группировок.

The establishment of a peaceful life in Belarus after its liberation from the Nazis in 1944 was associated with the solution of a host of complex problems in such basic spheres of social life as economy, state and public security, ideology, ineffective personnel policy. These problems were most critical in the western regions of the BSSR, where the situation was complicated by the forcing of Sovietization. The post-war normalization in the Republic was negatively influenced by the undercover struggle for the first secretary post of the Central Committee of the CP(b)B. The arbiter in it was Stalin, who constantly manipulated the nomenklatura groups.

Ключевые слова: Белоруссия; БССР; Западная Белоруссия; Великая Отечественная война; послевоенное восстановление; советизация; И.Сталин; П.Пономаренко; Н.Гусаров; Армия Крайова; УПА, белорусские националистические организации.

Key words: Belarus; West Belarus; The Great Patriotic War; post-war reconstruction; sovietization; J. Stalin; P. Ponomarenko; N. Gusarov; The Armia Krajowa; The Ukrainian Insurgent Army; belarusian nationalist organizations.

E-mail: genkost@mail.ru

Испытание 1941-м

Великая Отечественная война сыграла в истории Беларуси громадную роль, возможно, одну из самых ключевых в сравнении с другими

странами и этнорегионами постсоветского пространства. Эта бывшая республика СССР понесла в 1941–1945 гг. колоссальные людские потери¹ и огромный материальный ущерб². Многие движимые патриотическим чувством люди встали там с оружием в руках на защиту родной земли, превратив обширную ее часть в грозный для врага партизанский край. При активном участии народных мстителей летом 1944 г. прошла масштабная наступательная операция советских войск «Багратион», в ходе которой БССР была полностью очищена от гитлеровцев.

Весомый личный вклад в организацию массовой борьбы с оккупантами внес первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, возглавлявший с мая 1942 г. ЦШПД при Ставке Верховного Главнокомандования. До назначения 19 июня 1938 г. партийным руководителем Белоруссии этот 36-летний украинец с Кубани имел уже насыщенный пертурбациями, но пока что скромный по рангам послужной список. Совсем юным он добровольно пошел в 1918 г. в Красную армию, оборонял от белых Екатеринодар. В 1919 г. подался на нефтепромыслы, где освоил профессию паровозного машиниста. В 1925 г. вступил в компартию, а в 1932 г. окончил Московский институт инженеров транспорта. Полученные знания применил на Дальнем Востоке, где служил на командирской должности в железнодорожных войсках. Возвратившись в 1936 г. в Москву, устроился во Всесоюзный электротехнический институт, выполнивший вскоре престижный правительственный заказ на разработку электроарматуры для агрегата подсветки звезд на кремлевских башнях. Начавшаяся тем временем тотальная зачистка центрального партаппарата обернулась для Пономаренко прорывным карьерным назначением – приглашением на работу в ЦК ВКП(б). Утвержденный 15 декабря 1937 г. в должности инструктора ОРПО, он уже 26 марта 1938 г. стал заместителем заведующего этим отделом Г.М. Маленкова.

¹ По подсчетам специалистов, прямые людские потери БССР в годы Великой Отечественной войны составили 2,0–2,3 млн человек, включая свыше 800 тыс. евреев – жертв Холокоста, из которых около 570 тыс. проживало в Западной Белоруссии [36, с.127–128; 49, с.25; 22, с.67].

² В Белоруссии было разрушено 209 городов и районных центров, было сожжено 9200 деревень, в том числе 619 вместе с жителями. Республика лишилась более половины национального богатства [36, с.128].

П. К. Пономаренко и Н. Т. Грекова
(председатель Верховного Совета БССР, секретарь ЦК КП(б)У, Осень 1939 г.)

Мощная волна кадрового обновления, головокружительно вздымавшаяся синхронно с Большим террором, не дала Пономаренко засидеться в Москве. С подачи покровительствовавшего ему Маленкова он уже летом 1938 г. был поставлен, как отмечалось, во главе Белоруссии. Там спустя три года и встретил великую войну, ставшую для него серьезным жизненным испытанием. Особенно тяжкими выдались первые дни гитлеровского вторжения. Массированное и стремительное, оно быстро посеяло хаос и панику не только в приграничных областях республики, но и в столичном Минске. Пономаренко тоже определенно тогда растерялся, как впрочем, и многие руководители других западных регионов СССР. Однако значительная доля вины за это лежала на Сталине, который должным образом не озаботился до войны разработкой четкого нормативного алгоритма первоочередных действий аппарата власти при вражеском нападении, и потому, свершившись, оно с удвоенной силой ввергло функционеров на местах (и не только их!) в смятение, разброд и шатания³.

³ По свидетельству секретаря ЦК КП(б)Б Н.Е.Авхимовича, примерно за 10 дней до начала войны Сталин жестко отчитал по телефону Пономаренко за «провокационное» обсуждение на Бюро республиканской компартии очевидных признаков скорого германского вторжения [45, с.100].

Одним из главных упущений Пономаренко стало критическое промедление в развертывании массовой эвакуации материальных и людских ресурсов. Пытаясь потом оправдаться перед центром, он прибегнул к завуалированному антисемитизму, о чем свидетельствует его записка, направленная Сталину где-то в начале второй декады июля. Докладывая о первой реакции властей и населения республики на вторжение, Пономаренко особо отметил, что вся пропаганда гитлеровцев «идет под флагом борьбы с жидами и коммунистами, трактуемыми "как синонимы"». При этом обвинил «служилый люд городов» в том, что его, имеющего «большую еврейскую прослойку»⁴ и ни о чем не думающего, «кроме спасения шкуры», объял «животный страх перед Гитлером, и [в результате] вместо борьбы – бегство» [11, с.211].

Столь очевидное использование евреев в не раз навязывавшейся им прежде роли «козлов отпущения» определенно понадобилось Пономаренко для того, чтобы переложить вину за явно поспешный – рано утром 25 июня – выезд из Минска республиканских партгосчиновников высшего звена, явно шокированных предшедшей почти весь предшествующий день первой массированной воздушной бомбардировкой города. Даже преодолев на автомашинах в восточном направлении 200 км пути и оказавшись с семьями в Могилеве, они так и не забыли обуявший их страх. В противном случае Пономаренко, добравшийся туда же с автоколонной штаба Западного фронта, сразу не отправил бы этих особо оберегаемых беженцев, да и своих родственников тоже, далее в Москву.

Бомбежка Минска. 24 июля 1941 г.

⁴Всего на западе Белоруссии проживало перед войной более 480 тыс. евреев [41, с.10].

Прибыв 26 июня на тех же легковушках в советскую столицу, все они разместились в постпредстве БССР. Тогда же там оказалась и семья второго секретаря горкома Гомеля Борщева. И хотя сам он не сбежал с рабочего места, Гомельский обком расценил такую его заботу о родных как использование служебного положения в личных целях, чреватое совершенно непозволительной в условиях войны дискредитацией власти. Первый секретарь обкома Ф.В.Жиженков, проявивший, в отличие от Пономаренко, высокую ответственность и принципиальность, добился жесткого наказания Борщева (и не только его), подписав 29 июня следующее решение: «Бюро обкома КП(б)Б считает, что секретарь Гомельского горкома КП(б)Б т.Борщев и председатель горисполкома т.Кореневич в первые же дни военных действий проявили неустойчивость и малодушие, выразившиеся в отправке своих семей в Москву и Краснодар (в Краснодар выехала семья Кореневича. – Г.К.), хотя это никакими обстоятельствами не вызывалось. Вместо того, чтобы им, как руководителям города, обеспечить повседневную и правильную политическую информацию трудящихся о военных действиях и организовать решительную борьбу с элементами паники среди отдельных групп населения, они, наоборот, фактом отправки своих семей за пределы Белоруссии объективно способствовали росту панических настроений и вызвали своим поведением вполне законное возмущение партийной организации и трудящихся Гомеля. Бюро обкома, считая поступок тт. Борщева и Кореневича несовместимым с занимаемыми ими постами, постановляет: <...> За неустойчивость и малодушие снять т.Борщева с поста второго секретаря Гомельского ГК КП(б)Б, а т.Кореневича с поста председателя Гомельского горисполкома, послав их на низовую работу <...>» [5, д.67, л.226].

Страшась ли подобных взысканий или, как хочется верить, осознав, наконец, аморальность служебного дезертирства, отдельные номенклатурные беженцы отправились обратно в Могилев, покинув 2 июля 1941 г. постпредство в Москве. Однако бóльшая часть самовольно находившихся там минских чиновников отказалась возвращаться, даже несмотря на уговоры постпреда М.Т.Финогенова. И тот, боясь, видимо, быть обвиненным в незаконном укрывательстве в военное время, уведомил 4 июля секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова о «недопустимых явлениях» в постпредстве БССР – несанкционированном пребывании секретарей ЦК КП(б)Б Т.С.Горбунова и Н.И.Прохорова, зав. Сельхозотделом ЦК республики С.М.Гласова, председателя Минского облисполкома А.И.Темкина, председателя Верховного суда БССР В.Я.Се-

дых, начальника Управления по делам искусств Ф.И. Дудиоминой и др. [5, д.67, л.227–227об., 228].

Последовавшее вмешательство ЦК ВКП(б) быстро разрешило ситуацию. Очевидно, по заданию Маленкова секретарь ЦК, МК и МГК ВКП(б) А.С.Щербаков вызвал секретаря ЦК КП(б)Б по агитации и пропаганде Т.С.Горбунова (был старшим группы прибывших в Москву чиновников) и не без издевки поинтересовался: «Что это вы так быстро бежали из Белоруссии?» [31, с.124–125]. Приведенные в чувство, все укрывавшиеся в Москве белорусские функционеры, за исключением двух серьезно больных, уже на следующий день выехали обратно в Могилев, в котором, правда, не задержались (был захвачен немцами 26 июля), отправившись в Гомель, а потом далее на восток.

Проблема кадров в освобожденной Западной Белоруссии

После того как три года спустя, летом 1944 г., вместе со всей республикой были очищены от врага ее западные области⁵ и потребовались люди, способные организовать в них восстановление разрушенных и сожженных городов и сел, а также быстрее наращивание и расширение производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, первым делом вспомнили об участниках белорусского партизанского движения, показавшего себя, пожалуй, самым грозным и эффективным в боевом отношении отрядом народного сопротивления на оккупированных территориях СССР⁶. Вот почему в руководящем составе послевоенного кадрового корпуса Западной Белоруссии тон задавали вчерашние партизаны. 83 секретаря подпольных райкомов, семеро из которых имели звание Героя Советского Союза, возглавили райкомы мирного времени. Ветераны партизанского движения заняли ведущие позиции и в управлении сельским хозяйством региона. Среди председателей сельсоветов их было 66 %, председателей колхозов – 31 %, директоров МТС – 80 % [2, д.155, л.136]. Учитывая социально-экономическую специфику западных областей, кото-

⁵ К таковым в послевоенный период относились: Гродненская, Брестская, Пинская, Барановичская (ликвидирована 26 апреля 1954 г.), Молодечненская (упразднена 20 января 1960 г.) и частично Полоцкая.

⁶ К концу 1943 г. в Белоруссии насчитывалось около 153 тыс. партизан, объединенных в 998 отрядов и бригад (434 из них – в западных областях). Они контролировали 108 тыс. км² территории БССР (58,4 %), включая 37,8 тыс. км², полностью очищенных к тому времени от врага. А всего через республиканское партизанское движение прошло в войну почти 375 тыс. патриотов [34, с.113, 126; 48, с.380; 33, с.291; 4, д.139, л.201об.].

рыми, как отмечалось, «нельзя заниматься от случая к случаю», руководство БССР решило в начале 1945 г. ввести в высших партийно-правительственных управленческих структурах республики (отделах ЦК Компартии, СНК, наркоматах, других ведомствах) специальную должность замруководителя по Западной Белоруссии и образовать из назначенных на эту должность чиновников Совет по западным областям при СНК БССР [2, д. 155, л.549–550].

Некоторые современные белорусские историки полагают, что «практика выдвижения руководителей в Беларуси после войны... была направлена на отстранение беларусов от власти» и что тогдашнее «доминирование русского этноса просматривается вполне отчетливо» [37, с.553]. Однако фактические данные этого не подтверждают. По составленной на их основе таблице видно, что во второй половине 1940-х гг., напротив, отмечался рост абсолютной и относительной численности беларусов в республиканских структурах власти.

Национальный состав основных работников республиканских, областных и районных органов номенклатуры ЦК КП(б)Б

[4, д. 139, л.215; 44, с.96]

Национальность	1941 г.		1945 г.		1948 г.		1949 г.	
	Количество работников	%						
Белорусы	2109	57	2870	61,8	2879	62,5	2748	62,2
Русские	733	19,5	1248	25,9	1172	25,5	1185	26,8
Евреи	658	17,8	282	6,1	299	6,49	240	5,42
Украинцы	нет данных		нет данных		192	4,2	247	5,6

Более того, авторы, рассуждающие о доминировании русских кадров в управленческих звеньях БССР, невольно опровергают самих себя. Не решаясь игнорировать реальную динамику послевоенной представленности беларусов в республиканской компартии (базисной кадровой институции!), они признают, что если в 1945 г. их доля в ней составляла 46,5%, то в 1948 г. – 55%, а в 1955 г. – 60,2%. Те же авторы вынуждены констатировать, что, например, в том же 1955 г. беларусами было замещено 61,4% республиканских руководящих партийных должностей [37, с.554].

Пономаренко vs Гусаров

Разумеется, кадровая белорусизация осуществлялась никак не вопреки воле Москвы, а в рамках проводившейся ею национальной

политики. Другое дело, что в иных случаях центр лишь изображал заботу о правильной постановке кадровой работы в национальных регионах. Такой имитацией прикрывались обычно тайные аппаратные интриги. В водоворот одной из подобных игр и попал после войны руководитель Белоруссии Пономаренко. Будучи «человеком» Маленкова, он стал резко терять в номенклатурном рейтинге после того, как этот его покровитель оказался в мае 1946 г. в опале, лишившись стараниями группировки А. А. Жданова поста второго секретаря ЦК ВКП(б).

Но главным заказчиком и инспириатором той кадровой перетряски все же был Сталин, предпринявший ее, дабы окоротить тех государственно-партийных и военных деятелей, которые набрали в Великую Отечественную чрезмерные, как ему казалось, политический вес и общественную популярность. В отношении таковых он в первые послевоенные годы не прибегал к расстрелам (с середины 1947 по начало 1950 гг. смертная казнь в СССР была запрещена) и даже далеко не всех отправлял за решетку. Вместо этого в ход шли подспудная компрометация и кадровое понижение. Именно им и будет подвергнут Пономаренко (об этом далее), причем не один, а в компании с возглавлявшим Украину Н. С. Хрущевым, благо оба занимали в своих республиках по два главных поста – первого секретаря ЦК Компартии и председателя Совета Министров. Такая концентрация власти в одних руках, к тому же в странах-членах ООН, могла показаться мнительному Сталину избыточной и даже чреватой опасным антиимперским сепаратизмом. А то, что он сам возглавлял во всесоюзном масштабе и партию, и правительство, воспринималось им, наверное, как исключение, подтверждающее правило в духе известной поговорки о Юпитере и быке.

И вот как по заказу, Министерство госконтроля СССР провело в июле – августе 1946 г. в Минске ревизию Белглавснаба – организации, распределявшей в БССР трофейное имущество, товары, производившиеся в советской оккупационной зоне Германии, и благотворительную помощь, поступающую по линии ЮНРРА. Памятуя о серии так называемых трофейных дел, инспирированных тогда Сталиным против высших чиновников и военных, можно предположить, что и эта проверка, вскрывшая крупные корыстные злоупотребления бе-

лорусских руководителей, включая и Пономаренко, не была случайной. В ходе нее была выявлена, в частности, незаконная бесплатная передача ему и его семье различного антиквариата на сотни тысяч рублей – хрустальной и фарфоровой посуды, столовых приборов, мебели, ковров, люстр, музыкальных инструментов, а также стройматериалов для личной дачи и т. п. Серьезные нарушения финансовой дисциплины обнаружались и при обследовании Управления делами ЦК КП(б)Б, предпринятом вскоре функционерами с московской Старой площади: закупка в комиссионных магазинах и на рынках на парт. – и госбюджетные средства дорогостоящей обстановки, посуды и пр. В октябре 1946 г., как нельзя кстати, в редакцию «Правды» поступило из Минска анонимное письмо, в котором утверждалось, что Пономаренко строил за госсчет личную дачу под Москвой [28; 29].

Впечатленный ли данными фактами или просто исходя из независимо от них принятого общего решения о должностном редуцировании первых лиц в Белоруссии и на Украине, нов конце 1946 г. Сталин направил в эти республики комиссии ЦК ВКП(б) во главе с инспекторами ЦК С. Б. Задонченко и Н. М. Гусаровым, нацелив (через Жданова) на сбор соответственно в Белоруссии и на Украине данных, негативно характеризующих первых лиц республик и, так сказать, объективно обосновывающих необходимость их «задвижения». При этом и Задонченко, и Гусаров были лично заинтересованы в расчистке для себя места первого секретаря и потому сделали все, что от них требовалось, и даже больше [28; 29].

31 декабря Задонченко направил Жданову и другим секретарям ЦК ВКП(б) отчет о проверке в Белоруссии, в котором деятельность Пономаренко оценивалась как «неудовлетворительная» буквально по всем направлениям: от выполнения «важнейшей задачи» послевоенного восстановления народного хозяйства республики до руководства западными областями, в которых, как подчеркивалось, при «более 300 тысяч человек неграмотного населения... работа по ликвидации неграмотности поставлена крайне плохо». Особо отмечалось, что «крупные недостатки и ошибки в работе ЦК КП(б)Б являются результатом порочного метода и стиля работы бюро ЦК КП(б)Б и секретаря ЦК т. Пономаренко» [4, д. 139, л. 158–175].

В середине января 1947 г. Пономаренко вызвали в Москву на Старую площадь, где он вынужден был оправдываться по обвинениям, выдвинутым комиссией ЦК ВКП(б). Но это не имело никакого смысла – его отставка с поста первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии

была предreshена. Правда, поскольку за ним сохранялась должность председателя республиканского Совмина, вышедшее 25 января постановление ЦК ВКП(б) «О работе ЦК КП(б) Белоруссии» не содержало в отношении него сколько-нибудь жестких формулировок. В нем лишь отмечалось: «Бюро ЦК КП(б)Б прошло мимо мелкобуржуазных проявлений со стороны отдельных руководящих работников республики, выразившихся в строительстве собственных домов с использованием государственных средств и материалов, в приобретении в собственность трофейных автомашин и другого имущества» [6, с.89].

Концовка постановления даже вселяла ложную иллюзию того, что Кремль не собирается ставить крест на Пономаренко как партийном руководителе БССР: «ЦК ВКП(б) требует от ЦК КП(б) Белоруссии и его первого секретаря т. Пономаренко улучшить работу ЦК КП(б)Б и его аппарата, развернуть критику и самокритику в работе бюро ЦК КП(б)Б, улучшить руководство областными комитетами партии, периодически проверять их работу и заслушивать отчеты, организовать контроль за выполнением своих решений, повысить требовательность к руководящим кадрам за выполнение порученной им работы» [6, с.93].

Если Пономаренко и обладала такая формулировка, то ненадолго. Ушатом холодной воды на его голову стали новый вызов в Москву и разговор 27 февраля 1947 г. со Ждановым, сообщившим, что Сталин «принял решение упразднить совмещение должностей председателя Совета Министров и секретаря ЦК на Украине и в Белоруссии, установленное во время войны» [35, с.142]. Уже вечером того же дня Пономаренко был приглашен вместе с Хрущевым на Политбюро в Кремль к Сталину [16, с.482], который первым делом спросил у них: «Вы, наверное, хотите остаться секретарями ЦК? Верно?» Затем, прервав затянувшуюся паузу, продолжил: «Раз оба молчите, значит, верно. Но мы решили вас назначить предсовминами ваших республик, а на посты первых секретарей ЦК назначить других работников». Обращаясь после уже непосредственно к Пономаренко и явно растравливая его подозрения в отношении интриг и «подкопов» Задюченко, Сталин сказал: «Мы решили направить к вам первым секретарем ЦК КП(б)Б товарища Задюченко С.Б. Как вы на это смотрите?» Красноречивым ответом на данный явно испытующий вопрос вождя, намеревавшегося поставить во главе одной из ведущих советских республик человека, когда-то оскандалившегося из-за сокрытия своего еврейства⁷, стала хму-

⁷ В 1938 г. Хрущев донес Сталину, что Семен Борисович Задюченко (тогда первый секретарь Днепропетровского обкома) «не искренен перед партией», выдавая себя за

рая мина на лице Пономаренко. И Сталин, удовлетворившись, видимо, произведенным эффектом и наигравшись в кошки-мышки, деловито подытожил, обращаясь к Пономаренко: «Видно, что с Задионченко вы не сработаетесь, не стоит его посылать в Белоруссию». Затем, сделав паузу, поинтересовался: "А кого бы вы порекомендовали?"» [35, с.142].

Успокоенный тем, что несмотря ни на что Сталин продолжает с ним советоваться, Пономаренко назвал в качестве возможных своих преемников на посту первого секретаря ЦК КП(б)Б С.Д.Игнатьева, Н.Н.Шаталина, Н.С.Патоличева и Н.И.Гусарова. Из них Сталин выбрал последнего, благо того уже, видимо, намеревался сделать «первым», но на Украине⁸.

Родился Николай Гусаров в одной из сельских слобод под Царицыным. Мыкаясь в бедной семье жестянщика и швеи, 11-летним был отдан в подпаски. Но в 1920-м, то есть уже при новой власти, стал в 15 лет сотрудником угрозыска. Проработав в уездной милиции всего лишь год, начал выстраивать по комсомольской линии аппаратную карьеру. Более полтора десятилетия занимал различные второстепенные должности, пока не перебрался в столицу и не одолел в МАИ три курса. В марте 1938 г. его, секретаря институтского парткома, взяли на работу в ЦК ВКП(б) в качестве ответственного ОРПО. Там он и познакомился с Пономаренко, которого, как упоминалось, именно тогда назначили замзавом этим отделом. И если последнее вскоре отправили руководить третьей по значению союзной республикой, то Гусаров получил в апреле 1938 г. скромную должность второго секре-

Н.И.Гусаров

украинца, а также скрывая настоящее имя Шимон Борухович Зайончик и еврейскую национальность [1, д.1072, л.37].

⁸ Поскольку вместо «переброшенного» на Белоруссию Гусарова первым секретарем ЦК КП Украины стал еврей Л.М.Каганович, возникает вопрос, как Сталин, нагнетавший тогда латентный антисемитизм в стране, мог пойти на это. Скорей всего, он потому поступил именно так, что Каганович, в сравнении хотя бы с тем же Задионченко, обладал в стране куда большим авторитетом, а за рубежом его карьерная успешность использовалась в официальном отрицании «измышлений западной пропаганды о наличии государственного антисемитизма в СССР». Экстренно назначенный он не долго пробыл во главе Украины – всего несколько месяцев, в Москву его отозвали уже в конце 1947 г.

таря Свердловского горкома партии. Правда, уже в октябре Гусаров, восходивший наверх, как и Пономаренко, на кровавой опаре Большого террора, стал первым секретарем Молотовского (Пермского) обкома, возглавив один из ведущих в стране оборонно-промышленных регионов. В целом он хорошо показал себя там в годы войны, когда заводы области производили чрезвычайно важные для фронта броневую сталь, боеприпасы, различное артиллерийское вооружение, авиамоторы. И Сталин, лично контролировавший выпуск подобной продукции, определенно внес тогда Гусарова в свой условный список перспективных функционеров. В противном случае он не возвратил бы его в 1946 году в Москву, назначив инспектором ЦК ВКП(б). Однако это подогревало тщеславие прямолинейного и интеллектуально ограниченного Гусарова, который, явно преувеличивая важность собственной персоны в глазах вождя, не упускал случая поблагодарить тем, что «инспектор ЦК – это личный представитель Сталина» [27, с.8].

Получив пост первого секретаря ЦК КП Белоруссии, Гусаров не испытывал благодарности к рекомендовавшему его предшественнику. Напротив, примыкая к группировке Жданова, делая все возможное для дискредитации Пономаренко как «человека» Маленкова. Наверняка испытывая ревность к авторитету и общественной популярности «бывшего», Гусаров не разговаривал с ним неделями, а встретившись, «иногда переходил на грубость» [23, №4, с.136].

Чтобы опорочить Пономаренко, Гусаров инициировал в начале 1948 г. так называемое «коровье дело». На мартовском пленуме ЦК КП(б)Б вдруг вспомнил, как после выделения БССР начиная с 1944 г. нескольких партий трофейного крупного рогатого скота, 27 тыс. коров были бесплатно переданы в частные руки, притом что значительная и наиболее породистая их часть досталась не материально нуждавшимся семьям погибших воинов и партизан, как объявлялось, а ответственным партийным, советским и хозяйственным работникам. Обличив последних с позиции руководителя, облаченного в тогу непримиримого борца с хозяйственно-бытовым разложением и «частнособственническими инстинктами», Гусаров добился принятия решения о возврате коров государству всеми поголовно чиновниками, включая даже тех, составлявших подавляющее большинство, чье имущественное положение было весьма скромным [29].

«Коровье дело» Пономаренко воспринял как грубую провокацию, которой Гусаров хотел «развязать себе руки», избавившись от него как председателя Совмина. Разгадав этот маневр, Пономаренко, внутрен-

не негодуя, сохранял «полную невозмутимость» [23, №4, с.139–140]. Но в кулуарах пленума ясно дал понять Гусарову, что не намерен терпеть нападок, пригрозив пожаловаться в ЦК ВКП(б). Более того, когда тот, встревожась, стал отговаривать Пономаренко от такого шага, уверяя, что, поддержав решение пленума по «коровьему делу», он поднимет свой авторитет «на три головы», вспылил, не удержавшись от едкого сарказма: «Корова не сможет поднять нас двоих так высоко, поднимайся на ней ты один» [23, №4, с.140].

Поняв, что Пономаренко не уломать, Гусаров решил опередить его в апеллировании к центру. В этом его поддержал уполномоченный ЦК ВКП(б) по БССР Я.В.Строжев⁹, помогший подготовить бумагу, выставившую Пономаренко главным закоперщиком «аферы» с коровами. На всякий случай Гусаров еще и съездил в Москву, чтобы наверняка настроить Жданова против Пономаренко. Последний вспоминал: «А когда однажды из Москвы пригласили 20 человек инструкторов ЦК, чтобы на местах проверить записку Гусарова, я был потрясен, думал, что дело мое плохо. И тоже стал писать записку, излагающую действительную суть вопроса. Но я ее не подписал. Инструкторы вернулись в Москву и сказали, что вопрос от начала до конца состряпан тенденциозно. Они были по адресам, связанным с фактами, изложенными в записке Гусарова. Все это честные коммунисты, живущие с лишениями. У них по избе и корове, но нет иногда стола и стула, не говоря о кроватях. Вопрос был снят с повестки дня. Гусарову было указано на его неправильные обобщения и выводы» [23, №4, с.140].

Возможно, что Гусарову действительно «было указано», как постфактум пытался представить дело Пономаренко, но все же главным итогом той разборки стал чувствительный удар по нему самому. Если Гусаров продолжил руководить БССР, то Пономаренко лишился 17 марта 1948 г. и поста председателя Совмина республики. После чего несколько месяцев пребывал в подвешенном состоянии, пока Маленков не был полностью восстановлен 1 июля 1948 г. как второй секретарь ЦК ВКП(б), заменив Жданова, серьезно заболевшего и впавшего в немилость у Сталина. Именно в тот день Пономаренко вновь обрел под собой твердую номенклатурную почву, получив в Москве должность секретаря ЦК.

Но это будет потом, а за несколько месяцев до этого, 13 апреля 1948 г., Гусаров направил Сталину и В.М.Молотову записку о «возросшей антисоветской активности еврейских националистических элементов, пыта-

⁹ Как полагал Пономаренко, Строжев «был его (Гусарова. – Г.К.) советчиком и составил всю процедуру».

ющих распространить свое влияние на массы еврейского населения, проживающего на территории Белорусской ССР» [10, с.130–133]. Посылая этот совершенно секретный документ, подготовленный министром госбезопасности БССР Л. Ф. Цанавой, на даче которого в ночь на 13 января 1948 г. был убит выдающийся еврейский артист и общественный деятель

И.В.Сталин, Г.М.Попов, Л.П.Берия, Г.М.Маленков, П.К.Пономаренко, Л.М.Каганович. Май 1949 г.

С.М.Михоэлс, Гусаров, наверняка знавший от того же Цанавы, что эту тайную «специальную операцию» санкционировал Сталин, надеялся таким образом поднять свою котировку на номенклатурной бирже Кремля.

Но, упоенный победой над Пономаренко, Гусаров упустил при сближении с Цанавой одно немаловажное обстоятельство – давние его теплые отношения с Пономаренко (дружбу семьями!) [31, с.81]. Сам же Цанава, конечно, не забыл, как осваивавшийся в качестве первого секретаря ЦК КП(б)Б Гусаров пытался заменить его на посту министра госбезопасности БССР Н.С.Сазыкиным, работавшим с ним до войны в Молотове начальником облуправления НКВД. (Цанава не только смог усидеть в своем кресле, но и избавиться месяца через два от названного ему заместителем Сазыкина, сплавив в Москву помощником Л.П.Берии.)

Помимо Цанавы, Гусаров имел немало других тайных врагов, число которых, как ни парадоксально, множил сам. Как отмечал Пономаренко, Гусаров «не стеснялся выражать недоверие к местным работникам,

Л. Ф. Цанавя

повел себя с ними высокомерно и грубо». Постоянно заявляя о необходимости «перешерстить» кадры, он неприятно шокировал участников одного из пленумов ЦК КП(б)Б – в большинстве своем бывших руководителей партизанского движения – следующей вульгарной сентенцией: «Как в Белоруссии после освобождения образовались органы партии и власти? Взяли по Ваньке из партизанского отряда – вот и все» [23, №4. с.36].

Дискредитируясь подобным образом, Гусаров, сам того не ведая, невольно содействовал Пономаренко, который, обретя высокое положение секретаря ЦК ВКП(б) и используя покровительство Мазежкова, целенаправленно подготавливал реванш. Важным подспорьем в этом стала записка Цанавы главе МГБ СССР В. С. Давыдову о крупных провалах в сельском хозяйстве Белоруссии. Додоженная 13 апреля 1950 г. Сталину, она легла в основу постановления ЦК ВКП(б) от 10 мая «О недостатках в руководстве ЦК КП(б) Белоруссии сельским хозяйством». На открывшемся 31 мая четвертом пленуме ЦК КП(б)Б произошла развязка противостояния Гусаров – Пономаренко. Прибыв в Минск, последний не только выступил на пленуме с информацией об указанной директиве, но и как секретарь ЦК ВКП(б) обеспечил формализацию уже принятого Инстанцией решения о замене действующего первого секретаря ЦК КП(б)Б. И вот 3 июня Гусаров, обвиненный в том, что «игнорировал коллегиальность руководства... самолично изменял решения бюро ЦК... неправильно относился к критике недостатков... не работал с партийным активом... не информировал правдиво ЦК ВКП(б) о состоянии дел в республике» [32], смещается пленумом со своего поста, а вместо него избирается Н. С. Патоличев.

Возвращенный в Москву Гусаров опять становится инспектором ЦК ВКП(б). И хотя эта должность предполагала быструю метаморфозу в партийного руководителя того или иного региона, однако из-за фиаско в Белоруссии он на сей раз надолго задержался на ней – более чем на три года, вплоть до ноября 1953 г., когда был утвержден первым секретарем Тульского обкома. Но, уже войдя в карьерный штопор, пребывал в этом качестве всего лишь около двух лет, а потом опять был отозван в Москву и со значительным понижением назначен замминистра местной промышленности РСФСР.

Борьба с националистическим повстанчеством

Невероятно, но потаенные номенклатурные разборки, шедшие во властных кабинетах Москвы и Минска, не очень мешали решению текущих

проблем Белоруссии, включая и подавление в западных областях республики антиправительственной активности националистов, в том числе и вооруженной, подпитывавшейся с сопредельных территорий Литвы (Виленищина) и Польши. Наибольшая угроза региональной стабильности исходила от формирований польской АК¹⁰, которые в боевом плане не только не уступали отрядам УПА, но зачастую и превосходили их. Еще с 1943 г. местные группы АК стали интенсивно пополняться за счет поляков, ранее служивших в гитлеровской вспомогательной полиции и уверенно ориентировавшихся в местной специфике. Примерно с того же времени бойцы АК начали нападать на советских партизан и усиливать террор против просоветски настроенного гражданского населения и прятавшихся в лесах евреев.

Мобилизуя силы и средства для ответных действий, ЦК КП(б)Б принял 22 июня 1943 г. постановление «О дальнейшем развитии партизанского движения в западных областях Белоруссии» и направил в подпольные парткомы закрытое письмо «О военно-политических задачах работы в западных областях БССР», в котором особо подчеркивалось, что неприемлемо существование групп и организаций, выступающих против территориальной принадлежности Западной Белоруссии БССР

¹⁰ АК (*Armia Krajowa*) возникла 14 февраля 1942 г. на базе Союза вооруженной борьбы (*Związek Walki Zbrojnej, ZWZ*), созданного 13 ноября 1939 г. генералом В.Сикорским. После признания 30 июля 1941 г. Москвой польского эмигрантского правительства в Лондоне («соглашение Сикорского–Майского») АК начала предпринимать совместные операции с советскими войсками и партизанами против гитлеровцев, и особенно интенсивно на первых порах. Однако после того, как 25 апреля 1943 г. СССР разорвал отношения с лондонскими поляками, это сотрудничество стало перерастать во взаимную враждебность. Данный этап ознаменовался негласным сотрудничеством с гитлеровцами отдельных руководителей АК в Западной Белоруссии и Литве – А.Пильха («Гура»), Ю.Свиды («Лех»), Ч.Зайчковского («Раенер») и др. – в борьбе против советских партизан [50, с.194–196]. Отвергая суверенитет Москвы над территорией бывшей восточной Польши, АК еще с ноября 1943 г. действовала по плану «Буря» (*"Akcja Burza"*), предусматривавшему вооруженный перехват власти на местах в промежутке после ухода нацистов и перед приходом Красной армии. Но после освобождения последней Варшавы комендант (главнокомандующий) АК Л.Окулицкий вынужден был под давлением англичан подписать 19 января 1945 г. приказ о ее роспуске. Тем не менее она продолжала существовать в виде подпольной военизированной организации «Независимость – Не» (*Niepodległość – Nie*), которая, правда, просуществовала совсем недолго. Возглавивший ее Окулицкий вкупе с другими высокопоставленными «лондонцами» (Я.Янковским и др.) был уже в марте арестован советским «генералом Ивановым» (замнаркома внутренних дел СССР И.А.Серовым), а в июне осужден на 10 лет на «процессе 16-ти» в Москве.

и отстаивающих иностранные интересы, а также давались следующие практические указания: «1. Без шума ликвидировать руководителей польского подполья. 2. Польские отряды разоружать, оружие со складов реквизируют; рядовых партизан, если есть возможность, включать в борьбу с немцами под советским руководством. 3. Среди разоруженных и рассредоточенных по советским отрядам поляков выявлять вражеские элементы»¹¹.

Поскольку выполнение данной директивы далеко не завершилось к моменту освобождения Западной Белоруссии летом 1944 г. и АК оставалась еще довольно сильной в военном отношении¹², ее лесными боевиками всерьез занялись войска НКВД, принявшие эстафету у советских партизан. 21 августа подразделения 32-го полка внутренних войск разгромили отряд командира Новогрудского округа АК майора М.Каленкевича («Котвич»), ликвидировав его самого и еще 35 офицеров окружного штаба [50, с.319–320].

С 8 сентября 1944 г. была предпринята новая серия крупных ЧВО против вооруженных структур АК. В ходе их произошло более 30 боестолкновений, приведших к рассеиванию 54 вооруженных групп, уничтожению 89 и взятию в плен 419 их участников. В последующих зачистках (облавах, прочесывании лесов) было убито еще 50 чел. и задержано 20774 [43].

Выход 12 октября 1944 г. совместного приказа НКВД СССР и НКГБ СССР №001258/00389 «О мероприятиях по усилению борьбы с антисоветским подпольем и ликвидации вооруженных банд в западных областях Белорусской ССР» знаменовал собой дальнейшее наращивание сил и средств для пресечения действий в этом регионе АК, УПА и других националистических формирований. Одних внутренних войск там удалось сконцентрировать к концу 1944 г. до 13 полков общей численностью 18 890 чел. [17, с.211–212; 436–437], что позволило ликвидировать в тот год 275 бандгрупп с 768 участниками, пособниками и укрывателями, а также арестовать 3590 боевиков, подпольщиков и их пособников [17, с.145].

¹¹ Цит. по: [50, с.158–159].

¹² Если в конце 1943 г. в Западной Белоруссии (главным образом в Гродненской, Молодечненской, Барановичской областях) действовало 10 отрядов АК, суммарно имевших в своих рядах 1266 бойцов, то в последующем численность АК в этом регионе существенно выросла. Только в Новогрудском округе АК (Гродненская и Барановичская области) она составила к весне 1944 г. 7 тыс. бойцов [48, с.379–380; 38].

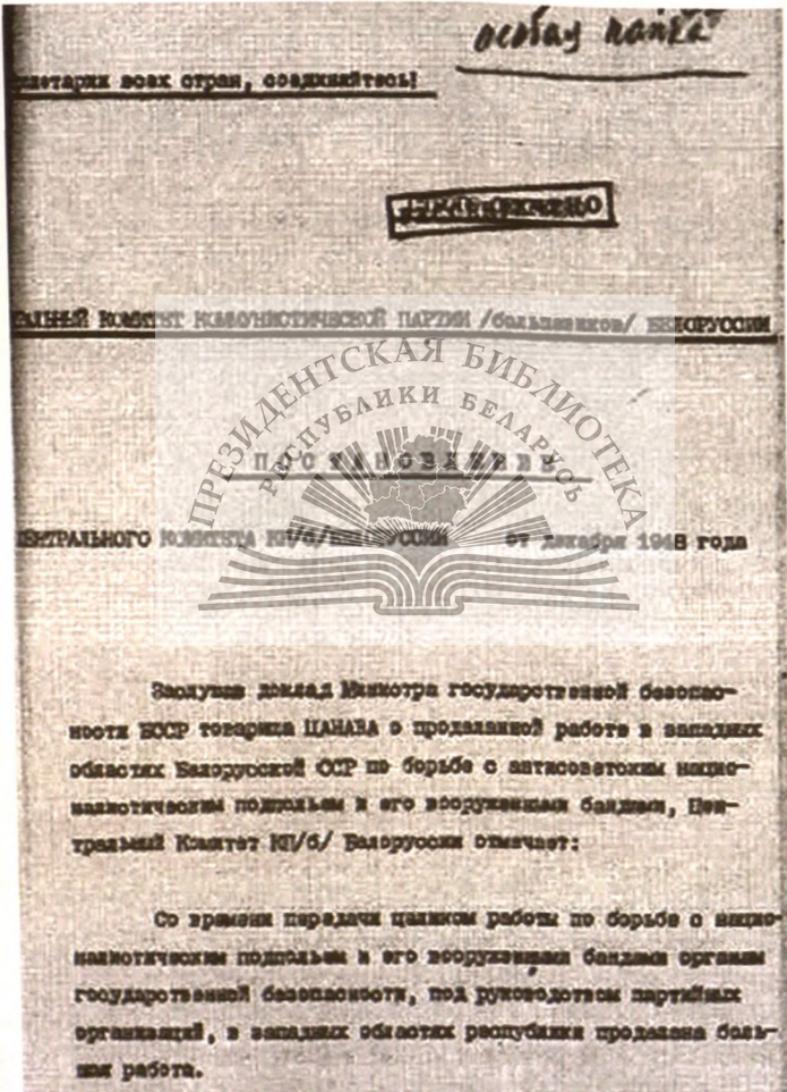
Тем не менее в западных областях БССР еще продолжало действовать на 1 января 1945 г. 81 польское, украинское и иное националистическое боевое формирование общей численностью в 2385 участников.

В течение 1945 г. они совершили 189 терактов, убив 138 и ранив 25 советско-партийных функционеров и местных жителей, а также осуществив 3 диверсии, 41 грабеж и 13 поджогов различных построек. Противодействуя террору националистов, внутренние войска Белорусского округа провели с января по октябрь 1945 г. 1384 ЧВО, в результате которых количество оперировавших в регионе групп боевиков снизилось к 1 октября 1945 г., по неполным данным, до 38, а общая их численность – до 281 чел. К тому же удалось покончить со сколько-нибудь крупными отрядами АК, которые были рассеяны по лесам. Подводя в июле 1946 г. итог двухлетней борьбы с боевиками в Западной Белоруссии, ЦК КП(б)Б докладывал в Москву:

- «ликвидировано 814 подпольных террористических организаций и вооруженных банд, из них 667 польских, 97 белорусских, 23 украинских и 27 других фашистско-националистических организаций и банд» и при «их разгроме убито 3035 и арестовано 17 872 бандитов и участников подпольных антисоветских организаций»;
- захвачено 211 минометов, 193 противотанковых ружей, 3 587 пулеметов, 68 377 автоматов и винтовок, 2 979 пистолетов, 36 078 гранат

- и мин, 5 тонн тола, около 4 миллионов боевых патронов, 40 множительных аппаратов, 47 раций;
- в ходе боевых операций войска НКВД потеряли убитыми 924 чел. [50, с.338].

Постановление ЦК КП(б)Б «О состоянии работы по борьбе с антисоветским националистическим подпольем и бандитизмом в западных областях БССР». 3 декабря 1948 г. (Национальный архив Республики Беларусь)

Чтобы спасти своих партизан и подпольщиков от полного уничтожения, руководство АК предприняло их массовую отправку в Польшу под видом репатриантов, снабдив документами, сфальсифицированными тайными агентами в официальных переселенческих структурах.

В 1945 г. из Новогрудского округа АК было вывезено около 300 боевиков, но самому «коменданту» округа Л.Ненартовичу («Мазепе») не повезло: 15 августа его арестовали [50, с.337].

Согласно информации Гусарова в ЦК ВКП(б), на июль 1947 г. в западных областях насчитывалось «до 40 банд (из них в Гродненской области – 18), которые, несмотря на свою малочисленность, ведут активную антисоветскую деятельность» [3, д.894, л.89–99]. В том же году ноябрьско-декабрьский пленум ЦК КП(б)Б поставил перед партийными и советскими организациями следующие важнейшие задачи: «полная ликвидация в западных областях БССР остатков разгромленных польских, белорусских, украинских националистических банд» и «окончательное разоблачение враждебной белорусскому народу» националистической идеологии [14, с.99].

Чрезвычайное положение в Западной Белоруссии фактически сохранялось до 1949 г. Все это время и потом советские военные противостояли там агрессивному национализму не только силой оружия, но и мирными средствами: выступлениями перед гражданским населением агитбригад политработников; оказанием воинскими частями практической помощи селянам (в первую очередь безлошадным и семьям фронтовиков) в сборе урожая зерновых и овощей, а также в ремонте школ и изб-читален [6, д.37, л.96, 98–100; 33, с.483].

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке